

**АКАДЕМИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК ПРИ ЦК КПСС
И РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
второй половины 1940-х – 1950-х гг. к постановке проблемы¹**

Статья посвящена анализу деятельности Академии общественных наук при ЦК КПСС по производству и трансляции исторического знания в 1940–1950-е гг. На примере работы кафедр истории СССР и всеобщей истории показаны специфика и механизмы изучаемого процесса.

Ключевые слова: Академия общественных наук при ЦК КПСС, советская историческая наука, подготовка историков, аспирантура, отечественная история, всеобщая история, история коммунистического и рабочего движения

Академия общественных наук при ЦК КПСС в системе советских учреждений исторического профиля и в памяти научной корпорации

В августе 1946 г. в системе советских научно-образовательных учреждений появилась новая институция: по решению ЦК ВКП(б) в Москве на базе Высшей партийной школы была создана Академия общественных наук (АОН) – «учебное заведение, готовящее кадры теоретических работников для центральных партийных учреждений, ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов ВКП(б), а также квалифицированных преподавателей высших учебных заведений, теоретических работников научно-исследовательских учреждений и научных журналов»². В этом отношении новая институция должна была стать достойной «преемницей и наследницей»³ Института красной профессуры (ИКП), «кузницы марксистских кадров», ликвидированной на волне очередного «поворота» партийного курса в 1938 г.⁴ По своему характеру АОН являлась своеобразным «институциональным гибридом». В основе организационной структуры учреждения лежало традиционное для высших учебных заведений деление на кафедры, однако по своим функциям оно было ближе к академическим институтам: здесь должны были проводиться научные исследования и осуществляться подготовка кадров высшей квалификации. В результате, получалось, что АОН оказывалась как бы между академическим и вузовским секторами советской исторической науки, продолжая, к тому же, традиции большевистского партийного образования 1920–1930-х гг. Более того, данный «институциональный гибрид» обладал особым статусом и привилегиями: АОН подчинялась напрямую Центральному Комитету партии, что освобождало ее от бюрократических проволочек при оформлении заграничных

¹ Исследование проводилось при финансовой поддержке гранта Президента РФ, проект № МК-309.2020.6.

² От Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) 1946: 1; Коммунистическая партия 1985: 46.

³ РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 745. Л. 78.

⁴ Долгова 2020: 308.

командировок, избавляло от финансовых трудностей при публикации научных трудов (выпуск которых, к тому же, осуществлялся в короткие по советским меркам сроки) и, в условиях тотального дефицита, гарантировало доступ к необходимым товарам и услугам.

Принимая в расчет специфику работы АОН и ее близость к партийному начальству, не вызывает удивления, что многие представители научно-исследовательских институтов Академии наук СССР (АН СССР) воспринимали выпускников и сотрудников АОН с известной долей недоверия. К примеру, А.М. Некрич, работавший в 1950-е гг. в секторе новейшей истории Института истории АН СССР, так вспоминал о бывших аспирантах АОН: «Аоновцы, которые попали к нам в сектор, жаждали ... но не знаний, а постов, положения привилегированных. Их мало интересовала или вовсе не интересовала история как наука, а лишь как один из способов благополучного существования. Недостаток профессиональных знаний они восполняли привычными аргументами административного характера»⁵. Любопытно, что в схожих красках выпускников АОН оценивал и сотрудник Института марксизма-ленинизма, сам работавший в области истории партии, Ф.И. Фирсов, отмечавший такие черты, своих коллег по академии, как умение «чутко реагировать на малейшие сдвиги в партийной конъюнктуре» и ставить на первое место не интересы науки, а «партийный долг»⁶.

Отсутствие специальных исследований по истории АОН и ее роли в развитии советской исторической науки (даже в условиях введения в оборот нового материала источников⁷) на протяжении долгого времени не позволяло определить степень достоверности и справедливости подобных суждений, способствуя их «нормализации» и закреплению в историографии. Именно поэтому мы полагаем, что предпринятый нами анализ научной работы АОН в области изучения и преподавания отечественной и всеобщей истории является своевременным и актуальным и может позволить определить место академии в системе производства и трансляции исторического знания в СССР. При этом отметим, что хронологические рамки нашего исследования были ограничены периодом второй половины 1940-х–1950-х гг., когда, как мы постараемся показать, шло оформление организационной структуры АОН и становление механизмов работы ее подразделений.

АОН во второй половине 1940-х–1950-е гг.: особенности организации научно-образовательного процесса

Выполняя важную функцию подготовки кадров «теоретических работников», АОН уделяла серьезное внимание проблемам организации образовательного процесса. К своим будущим аспирантам АОН предъявляла весьма серьезные формальные требования: в ее стенах могли обучаться лишь члены ВКП(б)/КПСС в возрасте до 40 лет, получившие

⁵ Некрич 1979: 82.

⁶ Фирсов 2013: 26.

⁷ См., напр.: Крапова 2006; Мамонтова 2017; 2021.

законченное высшее образование, имевшие обязательный опыт административной, педагогической или литературной работы и успешно прошедшие вступительные испытания в рамках избранной специализации⁸. В то же время, насколько мы можем судить, опираясь на отчеты экзаменационных комиссий, общий уровень знаний будущих слушателей был невысок. И даже в период обучения они нередко демонстрировали неграмотную речь и недостаточное знакомство с историческими источниками и научной литературой по предмету⁹, при этом, впрочем, обнаруживая глубокие познания в области марксистско-ленинской теории¹⁰.

Изначально в АОН готовили специалистов по политической экономии, теории государства и права, истории СССР, всеобщей истории, литературоведению, истории философии, психологии и др. Однако со временем этот список был расширен, и в программы академии была введена специализация по истории международного коммунистического и рабочего движения, национально-освободительного движения и др. Каждая специальность была закреплена за отдельной кафедрой, представлявшей собой основное научно-образовательное подразделение АОН и функционировавшей по образцу кафедр советских вузов. Во главе каждой кафедры стоял заведующий, осуществлявший общее руководство данной структурой и отчитывавшейся о ее работе перед ученым советом и ректоратом АОН. В первые годы работы, в АОН широко практиковалось совместительство, что позволяло привлечь в академию ведущих специалистов по той или иной теме. Однако в дальнейшем эта практика была существенно ограничена, и в середине 1970-х гг. в АОН преподавали преимущественно ее выпускники, составлявшие, к примеру, по словам Л.С. Гапоненко, 75% членов ее Ученого Совета¹¹.

Программа аспирантской подготовки АОН была первоначально рассчитана на 3 года, однако в 1954 г. срок обучения слушателей был увеличен до 4 лет¹². Типовой учебный план предполагал, что в отведенное время аспиранты получат знания в области общих теоретических и специальных дисциплин, освоят иностранный язык в объеме, необходимом для эффективной организации научной работы, подготовят и представят к защите диссертацию и, наконец, пройдут необходимую практику в партийно-правительственных и научных учреждениях и общественных организациях СССР (к примеру, в отделах ЦК КПСС, Министерстве иностранных дел, журнале «Международная жизнь», редакции газеты «Правда», Институте востоковедения и др.¹³). Основной объем учебной нагрузки был связан с самостоятельной работой слушателей над избранной научной темой. Недаром, согласно типовому учебному плану

⁸ От Академии общественных наук при ЦК ВКП(б)1946: 1.

⁹ РГАСПИ. Ф. 606. Оп.1. Д. 715. Л.37.

¹⁰ Там же. Л.36.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 745. Л. 79.

¹² РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 748. Л. 4.

¹³ РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 754. Л. 12.

1954 г. на первом курсе аудиторная нагрузка составляла 560 час., тогда как на самостоятельную работу отводилось 1600 час., а на втором и третьем курсах объем часов, отводимых на работу в аудитории и вовсе снижался до 360 и 208 час. соответственно (что не затрагивало только изучение иностранного языка, для освоения которого на отдельных кафедрах выделялось до 800 час. в течение 3 лет¹⁴) при сохранении прежнего объема времени, выделяемого на самостоятельную учебную деятельность¹⁵. Правда, несмотря на подобные диспропорции в распределении аудиторной и внеаудиторной нагрузки аспиранты АОН все же могли рассчитывать на регулярные консультации научных руководителей, которые в конце 1940-х гг., в период известных идеологических кампаний, и вовсе были обязаны еженедельно встречаться со своими учениками и даже проверять у них конспекты¹⁶.

Общие и специальные учебные курсы в АОН предполагали проведение лекционных и семинарских занятий. С конца 1940-х их содержание подлежало обязательному контролю со стороны профильной кафедры, что предполагало как предварительное обсуждение и утверждение основных тезисов¹⁷, так и посещение учебного занятия преподавателем заведующим кафедрой и другими сотрудниками (которые могли весьма резко высказаться в адрес лектора, постановив, к примеру, как это было в 1958-1959 учебном году в отношении Л.С. Гапоненко, что его выводы «носили поверхностный, беглый характер, отличались нестройностью, а главное не раскрывали существа поставленных вопросов»¹⁸). Практически все учебные курсы в АОН завершались экзаменом, засчитывавшимся слушателю в качестве кандидатского минимума. Кроме того, работа в семинаре требовала от аспиранта подготовки 1 или 2 специальных докладов, которые надлежало представить для обсуждения на занятии.

Наряду с учебной деятельностью, все кафедры АОН должны были вести научную работу. Ее формы были вполне традиционны для СССР: сотрудникам кафедр было необходимо проводить регулярные научные заседания, участвовать в подготовке научно-исследовательской и учебной литературы, проводить научные конференции и научные сессии, приуроченные к тем или иным юбилейным датам, и, наконец, обсуждать кандидатские и докторские диссертации, представленные к защите бывшими слушателями АОН. Причем, заметим, что последние также привлекались к научной работе своих кафедр, и с середины 1950-х гг. даже регулярно выезжали в зарубежные научные командировки¹⁹.

Оставляя без внимания качественную сторону данного вопроса, укажем, что с точки зрения количественных показателей деятельность

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 748. Л. 56.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 229. Л. 7.

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 747. Л. 36.

¹⁷ Там же. Л. 30; РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 759. Л. 1.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 742. Л. 136.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 759. Л. 7.

АОН может быть признана весьма успешной: согласно официальным данным, к середине 1970-х гг. только кафедру истории СССР окончило 400 аспирантов, из которых 40 чел. стали докторами наук, 1 – членом-корреспондентом, 22 – секретарями обкомов и 2 – заместителями председателя Совета министров. Однако, принимая в расчет приведенные нами ранее оценки коллег, мы все же можем выразить известные сомнения относительно вклада выпускников АОН в развитие советской исторической науки и, с этой точки зрения, считаем необходимым более детально представить работу кафедр академии, связанных с изучением и преподаванием отечественной и всеобщей истории.

Изучение и преподавание отечественной истории в АОН во второй половине 1940-х – 1950-е гг.

Кафедра истории СССР была образована в АОН в 1946 г. Ее возглавила видный советский историк, член ВКП(б) и член-корреспондент АН СССР, исследователь истории рабочего движения А.М. Панкратова. После ее смерти в 1957 г. эту должность занимали З.А. Астапович (1957–1958) и М.В. Нечкина (1958–1960). Причем, если верить документам, то последняя была освобождена от этой должности в августе 1960 г. по «личной просьбе», совпавшей по времени с постановлением Секретариата ЦК КПСС «Об укреплении кафедр АОН при ЦК КПСС преподавательскими кадрами», налагавшим ограничения на совмещение работы в нескольких научных и образовательных учреждениях²⁰. Однако, вне зависимости от причины последующего увольнения, сам факт назначения беспартийной М.В. Нечкиной, сравнительно недавно добившейся реабилитации репрессированных родственников, на статусную должность заведующего кафедрой в партийном учреждении и нередко получавшей высокие оценки коллег за свою организационно-педагогическую работу²¹, на наш взгляд, является примечательным, и иллюстрирует «дыхание оттепели». В 1960 г. новым руководителем кафедры стал П.А. Жилин, специалист по истории Отечественной войны 1812 года, имевший неоднозначную репутацию среди коллег²². Ранее он занимался научной работой в Генеральном штабе ВС СССР и выполнял обязанности заместителя главного редактора «Военно-исторического журнала». В АОН его карьера быстро пошла в гору, и уже в 1961 г. он был назначен проректором академии.

Изначально на кафедре преподавали «генералы» советской исторической науки: Б.Д. Греков, С.В. Бахрушин, П.Н. Третьяков, А.Л. Сидоров и др. Затем им на смену пришли выпускники АОН, недавно защитившие кандидатские и докторские диссертации, а также выходцы из других учреждений, стремившиеся сделать карьеру в историко-партийной науке и нередко обладавшие сомнительной научной репутацией²³.

²⁰ Курапова 2007: 37.

²¹ РГАСПИ. Ф. 606. Оп.1. Д. 742. Л.109 – 110.

²² См., напр.: Троицкий 2013: 40–45; Земцов 2013; Шенин И.А. 2013.

²³ См., напр.: Ковалев 2021.

Обучение аспирантов на кафедре истории СССР строилось в традиционном ключе: лекции чередовались с семинарскими занятиями и индивидуальными консультациями с научными руководителями. В первые несколько лет лекции по истории СССР посвящались преимущественно «острым» проблемам отечественной истории. Однако в 1949-1950 уч.г. в организации лекционного курса произошел поворот: материал стал преподноситься в историографическом и/или источниковедческом ключе. Сами преподаватели объясняли эти изменения необходимостью «познакомить аспирантов с литературой вопроса, с источниками и привить им умение критически подходить к изучаемой литературе»²⁴, что, как мы уже говорили ранее, далеко не всегда удавалось обнаружить у слушателей при сдаче кандидатского минимума. В результате, в историографо-источниковедческие «одежды» облачились вопрос о происхождении славян (П.Н. Третьяков), проблемы образования русского централизованного государства и Всероссийского рынка (Л.Н. Черепнин), движение Шамиля и народничество (М.В. Нечкина), революция 1905-1907 гг. и Первая мировая война (А.Л. Сидоров) и др.

Однако, несмотря на то, что такому принципу организации учебного материала кафедры истории СССР оставалась верна в течение долгих лет, само понимание принципов историографического анализа в интересующий нас период серьезно отличалось у различных преподавателей АОН. Так, М.В. Нечкиной, проявившая интерес к историографическим сюжетам еще на заре своей научной карьеры и в конце 1950-х гг. возглавившая в комиссии по истории исторической науки Института истории АН СССР и научный совет по историографии²⁵, рассматривала историографию как одну из вспомогательных исторических дисциплин, таких как источниковедение, нумизматика и сфрагистика²⁶. Однако именно историография представлялась ей «самой крупной» и «самой значительной» из них, поскольку именно она изучала историю исторической науки в широком социально-культурном контексте²⁷, и, следовательно, должна была выполнять важные идеологические функции. Недаром, в лекции, прочитанной М.В. Нечкиной в ноябре 1957 г., она даже остановилась на отдельных сюжетах из истории данной дисциплины, подвергнув критике «немарксистскую» «Русскую историографию» Н.Л. Рубинштейна, в работе которого историографический процесс, по ее словам, был представлен как движение «от историка к историку»: «Карамзин сдал свои полномочия Полевому, Полевой был

²⁴ РГАСПИ. Ф. 606. Оп.1. Д. 715. Л.50.

²⁵ Нечкина 1922; Она же 1923; Она же 1930.

²⁶ Уже через несколько лет, на «историографической среде» научного совета по проблеме «История исторической науки» 4 января 1961 г., Милица Васильевна и большинство присутствующих назовут историографию самостоятельной исторической дисциплиной со своим предметом и методами исследования. См. об этом: Стенограмма заседания Комиссии по истории исторической науки, посвященного вопросу предмета и метода исторической науки // ИА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп.10а. Д. 20.

²⁷ РГАСПИ. Ф. 606. Оп.1. Д. 725. Л. 81.

сменен Погодиным, от Погодина владычество в русской историографии перешло к Соловьеву, от Соловьева к Ключевскому и т.д. и т.д.»²⁸.

Для коллег М.В. Нечкиной по АОН был характерен еще более утилитарный подход к историографии, которая уже в 1960-е гг. традиционно начиналась с изложения позиций классиков марксизма-ленинизма. Так, например, в лекции по историографии Отечественной войны 1812 года, прочитанной 2 марта 1964 г., П.А. Жилин начинает с того, что перечисляет основные упоминания данного события в трудах классиков. Далее он представляет сведения о публикации исторических документов о войне в XIX веке и, наконец, переходит непосредственно к историографии вопроса и изложению официальной советской концепции²⁹.

Ориентируясь при разработке лекционного курса на решения ЦК и постановления Политбюро, преподаватели кафедры все же обладали определенной свободой в построении материала, что было особенно заметно в первые годы работы АОН. Так, если мы сравним две лекции по «Историографии Киевской Руси», прочитанные в апреле 1947 г. академиком Б.Д. Грековым и в феврале 1964 г. будущим ректором Высшей школы профсоюзного движения ВЦСПС Г.В. Шараповым³⁰, то окажется, что первый из названных историков более деликатен в оценках своих предшественников: в основе его лекции – последовательное знакомство слушателей с их взглядами, с необходимыми отсылками к историческим источникам³¹. В то же время, Г.В. Шарапов стремился показать актуальность столь далекого от современности сюжета для текущей «идеологической борьбы» и акцентировал внимание слушателей на «ошибках» предшественников³².

Отдельные исторические проблемы слушатели АОН прорабатывали и в рамках семинарских занятий, обращаясь, как правило, к сюжетам, актуальным с идеологической точки зрения. В частности, на протяжении долгого времени М.В. Нечкина руководила семинаром по истории революционно-демократического движения в России в середине XIX в. (1840–1860 гг.), а А.М. Панкратова – по истории российского пролетариата. Работа слушателей в рамках названных семинаров была выстроена вокруг подготовки и обсуждения учебно-научных докладов. Как вспоминала позднее ученица А.Л. Сидорова, специалист по истории империализма в России Т.Д. Крупина, обучавшаяся в АОН в 1950-е гг., «регламент» работы семинара А.М. Панкратовой был логически и тематически продуман: каждый аспирант готовил доклад по одной из предложенных тем, затем печатал его гектографе, представлял коллегам и «защищал» на одном из занятий³³. Сложность состояла в том, что Пан-

²⁸ РГАСПИ. Ф. 606. Оп.1. Д. 725. Л. 84.

²⁹ РГАСПИ.Ф. 606.Оп. 1.Д. 713. Л.65

³⁰ РГАСПИ.Ф. 606.Оп. 1.Д. 713. Л. 114 – 144.

³¹ Мамонтова 2017.

³² РГАСПИ. Ф. 606.Оп. 1. Д. 713. Л. 116, 125

³³ Крупина 2000: 157.

кратова давала малоизученные или вовсе неизученные научные проблемы, но, как сообщает Крупина, весьма строго оценивала полученный результат, выдвигая в качестве основных критериев оценки «новизну в подходе», «оснащение проблемы источниками» и «доказательность»³⁴.

Однако, с точки зрения самих преподавателей, проводимые ими семинарские занятия имели много недостатков. В частности, М.П. Ким, в 1953/54 уч.г. проводивший семинар по теме «СССР в период постепенного перехода от социализма к коммунизму», отмечал низкое качество докладов аспирантов, отличавшихся «непродуманной композицией», «наличием повторов», «отсутствием ссылок», «наличием опечаток», «нелогичными рассуждениями», «абстрактным, декларативным характером» размышлений³⁵. Ситуация не изменилась и в следующем году, когда участники семинара, посвященного проблеме формирования социалистических наций в СССР, по мнению М.П. Кима, продемонстрировали в своих докладах «отсутствие исследовательского элемента» и игнорирование архивных источников³⁶. Вероятно, ввиду подобных оценок в 1954/55 уч.г. на кафедре истории СССР была введена обязательная архивная практика, которую слушатели проходили в Центральном Государственном архиве Октябрьской революции, Центральном государственном историческом архиве, в редакции «Вопросов истории» и др.³⁷

Научная жизнь кафедры истории СССР такого партийного учреждения, каким являлась АОН не могла не зависеть от колебаний партийного курса. В период послевоенных идеологических кампаний ее сотрудники организовали широкое обсуждение «ошибок космополитов», и на заседании, длившемся три дня (11, 14 и 16 марта 1949 г.), были не только «разоблачены» И.И. Минц, Н.Л. Рубинштейн, О.Л. Вайнштейн и Г.А. Деборин, но прозвучала также критика в адрес научных институтов Академии наук СССР (сотрудниками которых, впрочем, как справедливо отмечает В.В. Тихонов, в тот период являлось большинство историков АОН³⁸). Отдельным заседанием в 1949 г. кафедра отметила 70-летие И.В. Сталина. На нем с докладами выступили Б.Д. Греков («Товарищ Сталин и русская историческая наука»), А.М. Панкратова («Указания товарища Сталина по вопросам преподавания истории и их роль в развитии исторической науки») и М.П. Ким («Товарищ Сталин – теоретик и строитель советского многонационального государства»)³⁹. После XX съезда КПСС историки АОН приступили к борьбе с «культом личности», и уже 13 марта 1956 г. организовали соответствующее заседание, поручив А.М. Панкратовой сделать основной доклад на эту тему⁴⁰. Од-

³⁴ Там же. С. 158.

³⁵ РГАСПИ. Ф. 606. Оп.1. Д. 742. Л.17.

³⁶ Там же. Л.47.

³⁷ Там же. Л. 51.

³⁸ Тихонов 2016: 207.

³⁹ РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 715. Л. 38.

⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 742. Л. 71.

новременно в АОН началась проверка представленных к защите кандидатских диссертаций, списков литературы, рекомендованной для подготовки к сдаче кандидатского минимума, и учебных и научных планов работы подразделений на оставшиеся месяцы учебного года.

Вероятно, своеобразной реакцией на борьбу с «культом личности» и одновременно логичным «поворотом» в деятельности кафедры, получившей нового руководителя, стало развитие в стенах АОН историографических исследований. Так, в 1959 г. кафедра истории СССР, возглавляемая М.В. Нечкиной, организовала специальную конференцию, посвященную критике фальсификации истории СССР в зарубежной буржуазной литературе⁴¹, а сама Нечкина представила на одном из секционных заседаний доклад «Критика зарубежной литературы по истории советской исторической науки». В дальнейшем, развивая деятельность в данном направлении, Нечкина прочитала аспирантам кафедры лекцию, посвященную проблемам периодизации советской исторической науки⁴². Однако дальнейшее развитие историографических исследований в АОН, как мы и говорили ранее, оказалось связано с деятельностью уже других специалистов и организаторов советской науки, стремившихся усилить не аналитическую, а «боевую» составляющую советской историографической традиции.

Изучение и преподавание всеобщей истории в АОН

Разработка проблем всеобщей истории в АОН также началась сразу после открытия данной институции, когда в ее составе была создана специализированная кафедра⁴³. Во второй половине 1940-х ее сотрудниками являлись ведущие советские ученые, занимавшиеся разработкой древней, средневековой, новой и новейшей истории, среди которых – Е.А. Косминский, С.Д. Сказкин, Б.Ф. Поршнев, Ф.В. Потемкин и др. Их приглашению в АОН, вероятно, содействовал первый ректор академии А.В. Мишулин, выполнявший, наряду с ректорскими обязанностями, функции заведующего сектором древней истории в Институте истории АН СССР и еще в довоенные годы преподававший в некоторых вузах Москвы⁴⁴. В результате, обладая необходимыми связями в ЦК ВКП(б) и одновременно чувствуя себя «своим» в сообществе столичных ученых-историков, А.В. Мишулин, специалист по восстаниям рабов в древности и истории древней Иберии, постарался максимально расширить учебный план кафедры всеобщей истории АОН и включить в него весьма далекие от современности сюжеты из истории древнего мира и средневековья. Так, в 1948/49 уч.г. А.Г. Бокшанин читал аспирантам курс по истории революционных движений в древности, Б.Ф. Поршнев знакомил их с основными чертами феодального способа производства и особенностями революционных движений крепостных крестьян, Е.А. Кос-

⁴¹ Там же. Л. 141.

⁴² РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 732. Л. 195 – 244.

⁴³ РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 747. Л. 1, 4.

⁴⁴ Профессор Александр Васильевич Мишулин (некролог) 1948.

минский останавливался на проблемах Английской революции середины XVII в.⁴⁵ Более того, как и преподаватели кафедры истории СССР, антиковеды и медиевисты АОН уделяли немало внимания историографическим сюжетам и выступали со специальными лекциями, посвященными историографии древней и средневековой истории (а также состоянию современной английской, французской, немецкой, итальянской «буржуазной» науки)⁴⁶, одновременно объясняя слушателям базовые принципы организации научно-исследовательской работы⁴⁷.

Наряду с преподаванием, во второй половине 1940-х гг. члены кафедры всеобщей истории старались вести активную научную работу, регулярно выступая перед коллегами с научными докладами, осуществляя подготовку к изданию кафедральных сборников статей и своих лекций. И хотя научная продукция сотрудников АОН несла на себе печать идеологических кампаний тех лет и нередко была связана с борьбой с «космополитизмом» или с конструированием взглядов В.И. Ленина–И.В. Сталина по тому или иному вопросу (на одном из заседаний кафедры А.В. Мишулин представил доклад «Развитие исторической науки Лениным и Сталиным», а Б.Ф. Поршневу – «Развитие Сталиным вопроса о коренном различии между буржуазной и социалистической революцией»⁴⁸), ее научный уровень, в целом, соответствовал общему уровню развития советской исторической науки того времени.

Однако к началу 1950-х гг. ситуация в АОН начала меняться. На это повлияли как кадровые трансформации, обусловленные смертью А.В. Мишулина (1948) и привлечением к работе бывших выпускников академии (к 1956 г. из 7 доцентов кафедры 5 окончили аспирантуру АОН), так и общие изменения в работе АОН, стремившейся оправдать статус партийного учреждения и соотнести общие требования к аспирантам с исходным уровнем их подготовки. И, полагаем, что последнее обстоятельство во многом оказалось решающим, так как отчеты экзаменационных комиссий кафедры свидетельствовали о том, что хуже всего ее слушатели были осведомлены о событиях древней и средневековой истории и поэтому практически никогда не выбирали темы диссертаций, связанные с этими историческими периодами. В качестве исключения, можно назвать тему одного из аспирантов А.В. Мишулина «Публий Корнелий Сципион Африканский Старший как носитель новой тенденции в римской политике»⁴⁹, однако мы не располагаем данными о ее защите и должны учитывать, что многие коллеги ректора АОН нередко руководили исследованиями по темам, весьма далеким от проблематики их собственных научных изысканий. Так, Е.А. Косминский, специалист по средневековой аграрной истории Англии, руково-

⁴⁵ РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 747. Л. 15.

⁴⁶ Там же. Л. 17.

⁴⁷ Там же. Л. 11.

⁴⁸ Там же. Л. 12.

⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 747. Л. 5.

дил диссертацией на тему «Роль К. Маркса и I Интернационала в борьбе английских рабочих за избирательную реформу 1867 г.», а его коллега по цеху, С.Д. Сказкин курировал диссертацию по теме «Социал-демократическая рабочая партия Германии в 1869–1872 гг.»⁵⁰.

В результате, к 1954 г. основной специализацией кафедры стала новая и новейшая история, что, безусловно, повлияло не только на учебные планы и планы работы данного подразделения, но и на само его название, кафедра всеобщей истории стала кафедрой новой истории. Как писал известный советский японовед Е.М. Жуков, возглавлявший кафедру в указанный период, «основным предметом специальности нашей кафедры поставлен предмет новой истории», а «смежными предметами» стали «международные отношения и международное рабочее движение в послеоктябрьский период (1918–1954 гг.)»⁵¹. В соответствии с этой установкой был изменен учебный план кафедры, и если в 1954 г. ее аспиранты еще слушали небольшие курсы лекций по древней и средневековой истории (общий объем – 14 час.) и знакомились с историографией Английской революции (Е.А. Косминский), то в дальнейшем перечень учебных предметов был существенно сокращен (как, впрочем, и объем лекционных курсов), а их тематика существенно изменена и актуализирована. В 1955 г. в учебных планах были указаны лекции И.С. Галкина «Германская социал-демократия», И.Н. Дворкина «Лейбористская партия Англии», Р.С. Варфоломеевой «Социалистическая партия Франции», Л.И. Зубока «Основные проблемы рабочего движения в США в конце XIX – начале XX века» и др.⁵². Поворот в учебной работе отразился и на научной деятельности кафедры: при сохранении прежних форм организации исследовательского труда произошли заметные изменения в его тематической направленности. В результате, и научные доклады сотрудников кафедры, сделанные ими на ее заседаниях, и издательская продукция подразделения (сборники статей, курсы лекций, учебные пособия и др.), и научные сессии и дискуссии теперь были посвящены актуальным сюжетам мировой истории последних ста лет.

Впрочем, этот «поворот» в работе кафедры оказался недолгим. В феврале 1959 г. Е.М. Жуков обратился в ректорат АОН с просьбой реорганизовать кафедру новой истории, которой, по замыслу ее сотрудников, предстояло стать кафедрой истории международного коммунистического и рабочего движения⁵³. Эта инициатива получила поддержку руководства АОН, и в мае 1959 г. по решению ЦК КПСС кафедра изменила профиль своей деятельности, сосредоточив усилия сотрудников на разработке таких проблем, как коммунистическая партия в борьбе за единство рабочего класса в капиталистических странах, братское сотрудничество и взаимопомощь стран социалистического лагеря и про-

⁵⁰ Там же. Л. 6–7.

⁵¹ РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 748. Л. 53.

⁵² РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 750. Л. 29.

⁵³ РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 1. Д. 763. Л. 1–23.

блемы перехода от социализма к коммунизму, перспективы развития несоциалистических государств Азии и Африки, национально-освободительная борьба в странах Латинской Америки против господства империализма США и др.⁵⁴. Одновременно были обновлены учебные планы кафедры, из которых были исключены лекции вузовского типа, а им на смену пришли научные доклады и групповая работа аспирантов над избранной темой, разработка которой в идеале должна была завершаться подготовкой монографии⁵⁵.

Причины трансформации кафедры новой истории, на наш взгляд, были связаны с общими изменениями в работе АОН, которая, в силу специфики поставленных перед ней как перед научным учреждением при ЦК КПСС задач, должна была ориентироваться на изучение актуальных в условиях построения социализма и коммунизма тем и сюжетов. Тем более, что на рубеже 1950–1960-х гг. она располагала необходимыми для этого научными кадрами – бывшими выпускниками АОН, приглашенными после защиты диссертации для работы в ее структурах.

Завершая статью, мы не претендуем на серьезные обобщения, которые могут быть сделаны лишь после дальнейшего изучения научно-исследовательской и учебной деятельности АОН. Однако представленные нами материалы могут стать важным шагом на этом пути. И уже сейчас мы можем сказать, что во второй половине 1940-х – 1950-е гг. АОН ориентировалось на те же практики и механизмы работы, что и другие советские учреждения академического или вузовского секторов. Ее сотрудники готовили проблемные лекции, руководили подготовкой диссертаций и участвовали в их последующей защите, выступали с докладами на различных заседаниях и конференциях, писали научные статьи и монографии. Но, в то же время, начиная с 1950-х гг. основное внимание членов АОН было приковано к узкому набору сюжетов, имевших или историографическую и методологическую направленность, или политико-идеологическую актуальность. На наш взгляд, это было обусловлено тем, что представители академии, находившейся при ЦК КПСС, должны были не просто проводить научные исследования и готовить научную смену (с этим справлялись Академия наук СССР и советские вузы), но откликаться на «партийный заказ» и формулировать общие методологические позиции, вручая своим выпускникам – своего рода «партийной элите» того времени – «методологические ключи» к постижению прошлого. Если же говорить о качестве подготовки аспирантов, то мы не рискуем бы повторять оценки А.М. Некрича и его коллег, полагая, что в контексте советской науки диссертации аспирантов АОН, обучавшихся в 1940–1950-е гг. у настоящих мэтров и признанных руководителей «исторического фронта» в СССР, были вполне адекватны тем

⁵⁴ Там же. Л. 8–9.

⁵⁵ Там же. Л. 1.

критериям, которые предъявлялись к подобного рода трудам (опора на архивные материалы, знакомство с новейшими достижениями отечественных и зарубежных коллег и др.). Однако только проведение дальнейших исследований в этом направлении позволит реконструировать целостную картину деятельности АОН в 1960–1980-е гг.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

- Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 606. Академия общественных наук при ЦК КПСС [Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (RGASPI). F. 606. Akademiya obshchestvennyh nauk pri CK KPSS].
 Научный архив Института российской истории Российской Академии наук (НА ИРИ РАН). Ф. 1. Институт истории АН СССР. [Nauchnyj arhiv Instituta rossijskoj istorii Rossijskoj Akademii nauk (NA IRI RAN). F. 1. Institut istorii AN SSSR.].

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Долгова Е.А. Рождение советской науки: ученые в 1920–1930-е гг. М.: РГГУ, 2020. 471 с. [Dolgova E.A. Rozhdenie sovetskoj nauki: uchenye v 1920–1930-e gg. M.: RGGU, 2020. 471 s.].
- Земцов В.Н. Отечественная война 1812 г.: 200 лет поиска истины // «И вечной памятью двенадцатого года...»: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 200-летию Отечественной войны 1812 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. С. 175–187 [Zemcov V.N. Otechestvennaya vojna 1812 g.: 200 let poiska istiny // «I vechnoj pamjat'ju dvenadcatogo goda...»: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 200-letiju Otechestvennoj vojny 1812 g. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2013. S. 175–187].
- Ковалев М.В., Груздинская В.С. (Москва) «Вы делаете бессмертно нужное дело – и в профессиональном смысле, и в гражданском»: письма М.Я. Гефтера к Н.А. Троицкому (1972–1980) // Историографический сборник. Вып. 28. Саратов: СГУ, 2021. [Kovalev M.V., Gruzinskaya V.S. (Moskva) «Vy delaete bessmertno nuzhnoe delo – i v professional'nom smysle, i v grazhdanskom»: pis'ma M.Y.A. Geftera k N.A. Troickomu (1972–1980) // Istoriografichesij sbornik. Vyp. 28. Saratov: SGU, 2021.].
- Крупина Т.Д. Педагог и научный руководитель // Историк и время. 20–50-е годы XX века. А.М. Панкратова. М.: Изд-во РУДН и Изд-во «Мосгорархив», 2000. С. 157–159. [Krupina T.D. Pedagog i nauchnyj rukovoditel' // Istorik i vremya. 20–50-e gody ХХ века. А.М. Pankratova. M.: Izd-vo RUDN i Izd-vo «Mosgorarhiv», 2000. S. 157–159].
- Курапова Е.Р. «Что интересного в Академии общественных наук?». Письма бывших аспирантов к М.В. Нечкиной. 1949–1971 гг. // Исторический архив. 2006. № 3. С. 30–59. [Kurapova E.R. «Chto interesnogo v Akademii obshchestvennyh nauk?». Pis'ma byvshih aspirantov k M.V. Nechkinoj. 1949–1971 gg. // Istoricheskij arhiv. 2006. № 3. S. 30–59].
- Мамонтова М.А. «Историография Киевской Руси»: лекция Б.Д. Грекова в Академии общественных наук (22 апреля 1947 года) // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2017. № 3. С. 457–471. [Mamontova M.A. «Istoriografiya Kievskoj Rusi»: lekcija B. D. Grekova v Akademii obshchestvennyh nauk (22 aprelya 1947 goda) // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki. 2017. № 3. S. 457–471].
- Мамонтова М.А. М. В. Нечкина о предмете историографии в курсе лекций для слушателей Академии общественных наук // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2021. Т. 8. № 3. С. 217–221. [Mamontova M.A. M.V. Nechkina o predmete istoriografii v kurse lekcij dlya slushatelej Akademii obshchestvennyh nauk // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki. 2021. T. 8. № 3. S. 217–221.].
- Некрич А.М. Отрешись от страха. Воспоминания историка. Лондон: Overseas Publications Interchangelto, 1979. 414 с. [Nekrich A.M. Otreshis' ot straha. Vospominaniya istorika. London: Overseas Publications Interchangelto, 1979. 414 s.].
- Нечкина М.В. Взгляд В.О. Ключевского на роль «идей» в историческом процессе // Красная Новь. 1923. № 5. С. 174–203. [Nechkina M.V. Vzglyad V.O. Klyuchevskogo na rol' «idej» v istoricheskom processe // Krasnaya Nov'. 1923. № 5. S. 174–203.].

- Нечкина М.В. В.О. Ключевский // Русская историческая наука в классовом освещении. М., 1930. Т.2. С. 217–350. [Nechkina M.V. V.O. Klyuchevskij // Russkaya istoricheskaya nauka v klassovom osveshchenii. M., 1930. T. 2. S. 217–350.]
- Нечкина М. В. Русская история в освещении экономического материализма. Казань: Гос. Изд-во, 1922. 204 с. [Nechkina M.V. Russkaya istoriya v osveshchenii ekonomicheskogo materializma. Kazan': Gos. Izd-vo, 1922. 204 s.]
- От Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) // Правда. 1946. 30 августа. С. 1. [От Akademii obshchestvennyh nauk pri SK VKP(b) // Pravda. 1946. 30 avgusta. S. 1.]
- Коммунистическая партия Светского союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1988): в 16 т. / под ред. А. Г. Егорова и др. 9-е изд. Т.8. М.: Политиздат, 1985. 542 с. [Kommunisticheskaya partiya Svetskogo soyuza v rezolyuciyah i resheniyah s"ezdov, konferencij i plenumov SK (1898–1988): v 16 t. / pod red. A. G. Egorova i dr. 9-e izd. T.8. M.: Politizdat, 1985. 542 s.]
- Профессор Александр Васильевич Мишулин (некролог) // Вестник древней истории. 1948. № 4. С. 137–138. [Professor Aleksandr Vasil'evich Mishulin (nekrolog) // Vestnik drevnej istorii. 1948. № 4. S. 137–138.]
- Тихонов В. В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 гг.). М.; СПб: Нестор-История, 2016. 424 с. [Tihonov V.V. Ideologicheskie kampanii «pozdnego stalinizma» i sovetskaya istoricheskaya nauka (seredina 1940-h – 1953 gg.). M.; SPb: Nestor-Istoriya, 2016. 424 s.]
- Троицкий Н. А. Сказания о правде и кривде в исторической науке. СПб.: Полторацк, 2013. 186 с. [Troickij N.A. Skazaniya o pravde i krivde v istoricheskoy nauke. SPb.: Poltorak, 2013. 186 s.]
- Фирсов Ф. 34 года в Институте марксизма-ленинизма. Воспоминания историка. М.: АИРО-XXI, 2013. 479 с. [Firsov F. 34 goda v Institute marksizma-leninizma. Vospominaniya istorika. M.: AIRO-XXI, 2013. 479 s.]
- Шейн И. А. Война 1812 года в отечественной историографии. М.: Научно-популярная книга, 2013. 462 с. [Shein I.A. Vojna 1812 goda v otechestvennoj istoriografii. M.: Nauchno-populyarnaya kniga, 2013. 462 s.]

Груздинская Виктория Сергеевна, канд. ист. наук, научный сотрудник, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, vik11910314@yandex.ru

Метель Ольга Вадимовна, канд. ист. наук, доцент, кафедра всеобщей истории, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, olgametel@yandex.ru

Academy of Social Sciences under the Central Committee of the CPSU and development of Soviet historiography in the second half of the 1940s – 1950s

The article is devoted to the analysis of the activities of the Academy of Social Sciences under the CPSU Central Committee for the production and transmission of historical knowledge in the 1940-1950s. The specificity and mechanisms of the process under study are shown on the example of work of departments of the history of the USSR and world history.

Key words: *Academy of Social Sciences under the Central Committee of the CPSU, Soviet historical science, training of historians, graduate school, national history, general history, history of the communist and workers' movement.*

Victoria S. Gruzdinskaya, PhD in Historical Sciences, Researcher, Dostoevsky Omsk State University; vik11910314@yandex.ru.

Olga V. Metel, PhD in Historical Sciences, Associate Professor of the Department of World History, Dostoevsky Omsk State University; olgametel@yandex.ru